

БЛАЖЕННЫЙ ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫЙ СВЯЩЕННИК, ОТЕЦ ФЕОФИЛАКТ АВДЕЕВ

Вместо предисловия¹

Христианство возродило и обновило древний мир, разлагавшийся от дряхлости и внутреннего растрепания. Небесный огонь любви, низведенный на землю Спасителем (Лк. 12, 49), воспламенил новую жизнь в сердцах людей, подавленных чувственностью, оживотворил дух, почти омертвевший в узах греховности (Еф. 2, 5), и при содействии благодати ревность к благочестию во многих воспламенилась с такою силою, что сделалась главною стихиею духовной жизни, и вся деятельность духа сосредоточилась в непрерывном усилии распять плоть свою со страстями и похотями (Гал. 5, 24), стать выше своей чувственности, покорить высшему духовному закону все порывы поврежденной грехом природы, чтобы по мере сил, постепенно возрастать духом, всецело жить в Боге и для Бога, Христианство, обновивши ветхого человека (Кол. 3, 10), сделав его причастником Божественного естества (2 Петр. 1, 4), произвело многие виды подвижничества, которыми христианин нравственно возвышается до возможного для человека совершенства. И в великом сонме угодников Божиих, прославленных Св. Церковью, юродивые христиане являются дивными во святых по роду своего подвига и по той высокой степени самоотверждения, которому они следовали. Ради Христа и своих ближних они отрешились не только от мира и яже в мире (1 Ин. 2, 15), но и от всего лучшего, что есть в природе человека, поскольку последнее необходимо для христианина, по слову Апостола: аще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни (2 Кор. 4, 16). Поистине, в них внешний человек тлел по мере того, как внутренний духовно жил и нравственно возвышался.

Юродство о Христе – один из труднейших и великих подвигов христианского благочестия, какие из любви к Богу и ближним принимали на себя особенные ревнители благочестия. «Юродство Христа ради составляет столь редкий, столь труднейший и вместе с тем столь высокий христианский подвиг, на который призываются Господом Богом только особенные избранники и избранницы, сильные телом и духом²». Эти славные подвижники, одушевляемые горячею ревностью и пламенною любовью к Богу, добровольно отказывались не только от всех удобств и благ жизни земной, но и всех выгод жизни общественной, от родства самого близкого и кровного, но даже отрекались *при полном внутреннем самосознании* от самого главного отличия человека в ряду земных существ – от обычного употребления разума, добровольно принимая на себя вид безумного, а иногда и нравственно падшего человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, дозволяющего иногда себе соблазнительные действия... Лишенные по-видимому простого, здравого смысла человеческого, отрешившись от общепринятых обычаев мира и правил общественного благоприличия, они под личиною юродства нередко совершали такие гражданские подвиги, на которые не решались люди, «мнящиеся» быть «мудрыми», из страха ли то пред сильными мира сего, или из житейских расчетов и соображений; при этом подвиги их были таковы, что их не могли совершать с таким успехом люди обыкновенные. Непрестанно возводя очи ума и сердца своего к Богу, постоянно горя духом пред Ним, подвижники эти, подобно древним пророкам, ревнителям славы Божией, не стеснялись говорить резкую правду в глаза сильных мира сего; они своими словами и необычайными поступками то грозно обличали и подобно молнии поражали людей могучих и сильных, но несправедливых и забывающих правду Божию, то подобно весеннему благотворному солнцу радовали и утешали людей благочестивых и богобоязненных. Юродивые нередко вращались среди самых порочных членов общества, среди людей, погибших в общественном мнении, с целью исправить их и спасти; и многих из таких отверженных возвращали на путь истины и добра. *Имея дар предсказывать будущее³*, они молитвами своими нередко избавляли сограждан от грозивших им бедствий, не раз отвращали гнев Божий от своих современников, у которых были большею частью в поношении и презрении. Совершенно свободны от всяких привязанностей к земному, отказываясь от всякой собственности, не имея обыкновенно определенного пристанища и потому потому подвергаясь всем случайностям

¹ «Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви» - священника Иоанна Ковалевского (Москва, 1895г.)

² Сказание о блаженной Серафимо-Дивеевского монастыря, Пелагии Ивановне Серебренниковой. Тверь, 1891. С. 1.

³ Курсив С.А. Нилуса. – *Ред.*

беждомной и неприютной жизни – эти избранники Божии самым делом, с буквальной точностью осуществляли в своей жизни заповедь Спасителя: *не пецѣтесе душою вашею, что ясте, или что пиете: ни телом вашим, во что облечетесе. Не душа ли болиши естѣ пици, и тело одежди?* (Мф. 6, 25). *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 25). *Эти причастники небесного звания* (Евр. 3, 1), не имея на земле пребывающего града, но грядущего взыскуя, так как по слову Апостола *преходит образ мира сего*, (1 Кор. 7, 31) – *не сообразовались веку сему* (Рим. 13, 2): вся их жизнь представляла собою как бы воплощенный протест против чрезмерного тяготения людей к земным, временным интересам, как бы живое, наглядное напоминание о высшей цели жизни – *о едином на потребу* (Лк. 10, 41).

Взирая на образ жизни Христа ради юродивых, можно подумать, это несчастные, осужденные влачить горькую участь безумия. Пренебрегая общепринятыми обычаями мира, не соображаясь с законами общества гражданского, юродивые, по-видимому, в некоторых случаях даже самыми постановлениями Церкви не приводились к обыкновенному порядку жизни. Это были как бы пришельцы из другого мира, не считавшие для себя нужным знать и делать то, что по общему мнению составляет необходимую принадлежность жизни земной. Живя в теле, они считали себя как бы безплотными или в чужом теле... Пища, одежда, жилище, казалось, не составляли для них существенной потребности и необходимой жизненной принадлежности. По несколько дней, иногда по целым неделям не вкушали пищи, только ту вкушали пищу, которую им подавали люди благочестивые; от прочих они не принимали или принятую передавали другим. Одеждою для них служило ветхое, раздранное рубище, но нередко они отлагали и этот бедный покров наготы своей. Редко входили и часто не были впускаемы в жилища человеческие, проводили большую часть под открытым небом – на городских площадях и улицах близ церковной паперти или ограды, на кладбищах, иногда даже на куче сора, страдая от холода, голода, стужи и зноя и, вообще подвергались всякого рода стихийным невздам и испытывали всевозможные лишения, неразлучные со скитальческою жизнью... С каждым подвигом Христианского самоотвержения связаны те или другие лишения; нелегко человеку, склонному к чувственным удовольствиям, отказываться от них, истощив свою плоть постом и воздержанием; нелегко также пристрастившемуся к богатству раздать свои сокровища и жить в евангельской нищете, человеку, жившему в славе и почестях, вступить в безвестную жизнь. Но отказаться от ума – этого лучшего украшения человеческой природы, как это мы видим в юродивых, конечно, для каждого должно показаться труднейшим подвигом, лишением, с которым не может сравниться никакое самолишение. В разуме Бог положил существенную черту в нас великого Своего образа (Еф. 4, 22-23), почему с отрешением от «этого благодатного дара неба», с которым ничто не может сравниться в мире видимом, человек теряет всё, что составляет истинное его величие, истинное его достоинство. При здоровом уме – так как юродивые о Христе были людьми истинно мудрыми, – принять на себя вид безумного – жертва великая. Не большею ли частью, чтобы не сказать всегда, бывает для человека чувствительнее укор в скудоумии, чем в каком-либо другом недостатке, даже нравственном?! Жизнь человека не свидетельствует ли с очевидностью, сколько во все времена, из удовлетворения уму, было добровольных мучеников науки... Отчего такая исключительная честь уму? Оттого, что в нашей душе эта сила осталась более доступною человеческим трудам в своем развитии и образовании, потому что она по преимуществу свидетельствует о достоинстве духовной природы человека. Отсюда понятно, как должно быть трудно и чувствительно для человека при полном здоровом уме выдавать себя за лишенного простого смысла, действовать в течение всей своей жизни подобно умалишенным... Велик и свят подвиг предать тело свое в руки мучителей за исповедование имени Христова. Но не менее ли требуется мужества, вращаясь в мирском обществе, постоянно, каждый день, каждый час умерщвлять свое тело, отсекая всякую нечистую мысль?!

При всей трудности этого подвига, для святого юродства какая требуется высокая мудрость, чтобы безславию своему обращать во славу Божию и в назидание ближние, в смешном не допускать греховного, в кажущемся неблагопристойным ничего соблазнительного или обидного для других!.. Путь юродства чрезвычайно опасный и трудный путь. Как подражать иногда безрассудству людей самых низких, сохранять дух всегда возвышенный, стремящийся к Богу, постоянно ругаясь миру, обнимать, однако всех совершенною любовью?! Наконец, как удержаться от духовной гордости тому, кто перенес столько оскорблений и лишений, сознает что все это терпит он невинно и что он совсем не таков, каким его считают многие? Это произвольное, постоянное мученичество, эта постоянная брань против себя, против мира и диавола, и притом

борьба самая трудная и жестокая. Это крестоносцы, по преимуществу, так как по доброй воле, по собственному избранию, единственно из любви к Богу и ближним несли самый тяжелый и трудный крест...

I

В двадцатых годах прошлого столетия таким великим подвигом подвизался в пределах рязанской губернии и в смежных с нею уездах Тульской – Христа ради юродивый священник о.Феофилакт Авдеев.

Разбирая рукописи а архиве одного из великих по духу монастырей русских, я нашел в числе их тетрадку, в которой рукой неизвестной мне монахини записано об этом великом подвижнике и прозорливце следующее:

Начинаю с того, во славу Божию, с какого года я стала знать отца Феофилакта. Опишу всё, что известно мне или лично, или от достоверных свидетелей об этом истинном и великом рабе Божиим.

В 1824 году я поступила в Михайловский Покровский монастырь. Родитель мой был Родион Феодорович Ураев; он служил, не помню в каком году, в городе Скопине уездным судьей. В то время том городничего не случилось, тоже не знаю почему, и отец мой правил его должность. В это время обокрали Скопинское казначейство; родитель же мой просрочил рапорт об этом и потому находился под судом. Из числа привлеченных к этому делу лиц, кроме моего отца, только казначей и стряпчий имели кое-какую собственность, и то самую незначительную, а потому казна обратила внимание на городничего, т.е. на моего отца, правившего тогда эту должность. Хотя и наше имение было не велико, но оно все было описано и назначено для продажи с аукциону. Это горе случилось в 1824 году, в год, именно, моего вступления в монастырь, в котором старшая моя сестра уже была монахиней. Отец Феофилакт в то время уже юродствовал и был почитаем как истинный блаженный в нашем монастыре, куда и хаживал часто, и даже гостил.

Приехал к нам в монастырь со своею скорбью наш родитель, а тут как раз случился и отец Феофилакт. Мой батюшка ему и говорит:

- Вот, я скоро должен остаться без куска хлеба с шестью детьми: имение продадут – казна всё возьмёт!

- Нет, - отвечает о.Феофилакт, - барин прав! Вот, поедут через Москву в мантиях да в черных шляпах – и будет барин прав!

- Неужели же я буду опять владеть своим имением? – спросил батюшка.

- Непременно, - ответил отец Феофилакт, - только его после всё разложат по кабакам.

Ничего в то время из его слов понять было нельзя; но год спустя, в 1825 году, скончался Государь Император Александр Павлович, и повезли его тело через Москву, и, конечно, все были в трауре – «мантиях и в черных шляпах» - по выражению о.Феофилакта. Отец мой в то время уехал в Петербург, где и подал просьбу князю Волконскому о снятии с него казенного иска. Прощение было принято, и по случаю восшествия на престол Государя Николая Павловича ему простили казенный долг «не в пример прочим», как было ему объявлено.

Так и сбылись слова о.Феофилакта: «барин прав».

В 1834 году скончался мой родитель. После него наследником остался мой старший брат, человек не трезвой жизни: и вскоре всё имение родительское он пропустил в пьянство – «разложил по кабакам», как предсказал блаженный.

Это был первый в моей жизни случай прозорливости о.Феофилакта.

II

Не помню, в каком году, над нашим монастырем был благочинный архимандрит Солотченского монастыря, о.Иларий. Приехал он к нам по делам благочиния при игумении Евсевии. В то время в нашем монастыре гостил о.Феофилакт и проживал по разным кельям. Как человеку всеми признанной высокой духовной жизни, юродивому и к тому же старцу, отцу Феофилакту это нарушение монастырского устава дозволялось, вернее, на это смотрели сквозь пальцы, по слову – «праведнику закон не лежит».

Неуверенная, как отнесется к этому благочинный, игумения, боясь, чтобы о.Феофилакт не попался архимандриту где-нибудь в келье, предупредила его, сказав, что у нас гостит юродивый священник. Архимандрит пожелал видеть его. Меня дали ему в провожатые, так как я была

приставлена к нему для услуг начальнической келье. Когда меня о. архимандрит позвал его провожать, о.Феофилакт находился в келье у одной послушницы, крестьянки села Жаловля, Михайловского уезда. Никому и в голову не могло прийти, чтобы к этой послушнице пожелал зайти архимандрит, а между тем, пока мы собирались в келье игумении идти к ней, отец Феофилакт, лежавший в келье послушницы на полатах, вдруг стал слезать с них и говорить:

- Приберите всё - гости будут!

Спустя немного времени, мы с отцом архимандритом вошли в келью. Встреча была мирная. Отец Феофилакт поцеловался с архимандритом по чину иерейскому; и тут же между ними произошел такой разговор:

- Ты – праведник, но священник! – сказал ему архимандрит. – А я – грешный, но архимандрит. Скажи мне, причащаешься ли ты Святых Таин?

Отец Феофилакт отложил свое юродство и смиренно ответил:

- Причащаюсь!

- Где же?

- В селе Осанове, каждый Успенский пост. Там священник – мой духовник!

И действительно, как потом узнали, отец Феофилакт всегда этим постим уходил в Осаново Михайловского уезда.

Много в тот раз они говорили между собою, но я частью не слыхала о чем, а частью и не помню. Только, когда мы вышли из той кельи, архимандрит сказал:

- Великий человек сей юродивый!

Когда этот архимандрит приезжал к нам в монастырь, он любил, бывало, чтобы ему у матушки игумении в келье пели наши клиросные певчие, и он всегда давал им за это довольно много денег. В этот его проезд в числе клиросных была и я, приставленная, кроме того, к нему для поручений. Заметив это, оделяя других, он тайно ото всех, чтобы другим не было завидно, сунул мне в руку красную бумажку, которые тогда ходили за десять рублей ассигнациями. Об этом щедром даре я никому не сказала, кроме монахини, с которой жила в одной келье, и та подала мне совет никому об этом ничего не говорить, чтобы не ввести в зависть и никто об этом ничего не знал.

Проводили мы архимандрита – его вскоре после того перевели в Задонск – и спустя несколько времени мы, послушницы да и некоторые монахини, собрались большой компанией к о.Феофилакту в ту келью, где он на ту пору находился. Пришла и я туда же со своей монахиней, и все стали хвалить доброго архимандрита Илария. О. Феофилакт молчит – ни слова. Тут и я свое словечко вставила:

- Батюшка, - говорю, - а ведь хорош архимандрит? У нас такого не бывало!

А тот на мои слова:

- Что мне сударыня, - говорит, - его хвалить? Если бы он мне дал красную ассигнацию, я бы его похвалил.

Конечно, другие ничего не поняли из слов блаженного старца, но мы-то, переглянувшись со моей монахиней, это хорошо поняли...

Когда нашего благочинного архимандрита Илария перевели в Задонск, случилось и мне там бывать на богомолье. Когда я собиралась ехать обратно в свой монастырь, архимандрит Иларий дал мне отвезти от его имени о.Феофилакту книжку творений Святителя Тихона и сказал:

- Попроси его, чтобы он мне что-нибудь написал!

Когда я вернулась в обитель, отца Феофилакта у нас в онастыре не было, и поэтому я не могла ему скоро передать книгу. В это время к одной из наших монахинь, Феофании, приехали из Скопина родные. Приехали они не столько к ней, как к о. Феофилакту, которого легче всего было найти в нашем монастыре; но так как он находился на этот раз не у нас, а в одной деревне, то и Феофания, и её родные собрались ехать к нему туда. Я была рада оказии переслать ему книгу и, отправляя её с м.Феофанией, дала с ней лист белой бумаги, чтобы он написал что-нибудь архимандриту.

Вернулась м.Феофания и привезла письмо от о.Феофилакта. И что же за письмо написал этот старец Божий! Только вера в святость его как Божьего угодника заставляла отнестись к этому письму как к чему-то серьезному, несмотря на всю видимую нелепость его содержания. Написано оно было на целом листе, а начиналось так: «Ваше Высокопреосвященство и Ваше высокопреподобие! Когда наши российские поклонники пойдут к Соловецким чудотворцам, то Вы их примите, учредите» и т.д. – всё в том же роде и всё о Соловецком монастыре. В конце же

этого письма было написано: «а Надежду Родионовну (так меня прежде звали) сделайте игуменией», - но монастыри назначил не те, в которых мне уже после смерти архимандрита Илария Бог привел быть игуменией. Для меня, малодушной и маловерной, в то время это предсказание казалось даже смешным, потому что я и в рясофоре тогда еще не была. Отца же Илария тем же годом перевели в Соловецкий монастырь, и он по чину Соловецкой обители служил там с осенением, т.е. почти, как архиерей. Через шест лет он возвратился обратно в Задонск и письмо о.Феофилакта берег как сокровище.

III

Бывая часто в нашем монастыре, о.Феофилакт у всех сестер был желанным гостем. Только в одном при приеме его в качестве гостя выходило маленькое, говоря по-монастырски, «искушение»: когда зазовут его к себе сестры чай пить, то он почему-то иногда чай пил просто, как все пьют, а то с одной, с двумя чашками чая возьмет да всю сахарницу сахару и скушает; а сахар-то в то время был почти еще диковинкой, да притом и очень дорогой; вот некоторые, глядя на это, и опасались иной раз приглашать его к чаю.

Был он однажды у монахини Аркадии. Она и подумай про себя: чаю бы ты, сколько хочешь, пил, да вот сахару-то больно много кушаешь!.. Был у нее этот помысл до обедни. Пришла она от обедни в свою келью; подали самовар, а отец Феофилакт вдруг встал из-за стола и куда-то скрылся. Потом через несколько минут, глядь, возвращается и приносит целую тарелку комочков, наделанных из снега; поставил тарелку на стол и стал с этими комочками пить чай. Мать Аркадия, прямо, не знала, куда деться от такого стыда.

Было и со мною нечто подобное: также захотелось мне как-то раз позвать его к себе, но боролась так же, как и мать Аркадия, с помыслом насчет сахару, но только вовремя опомнилась и мысленно сказала себе: да что жалеть-то? Если он и на синюю ассигнацию съест сахару, мне не жалко!.. Пришла я за о.Феофилактом звать его к себе. Он, по первому зову пошел в ту же минуту, и как же я была этому рада! Забыла даже и свои помыслы и с великим радушием угощала старца Божия.

Пришел он ко мне на другой день обедать. Сели за стол. Смотрю: мой о.Феофилакт сидит какой-то скучный и кушает мало. Я говорю:

– Батюшка! Что вы такие скучные?

– Да, – говорит, – правда! И Сын Человеческий не имел места, где головы подклонити.

Я на это ему возрвзила:

– Батюшка! Мы все вам рады.

– Как же, – говорит, – сударыня, не рады? Только, вот, иному, глядишь, в один раз и стану в синюю ассигнацию. Тут я вспомнила, о чем накануне думала.

– Простите, батюшка! – сказала я ему. – Куда ж уйдешь от помыслов?

В этот раз он долго у меня прогостил.

Как-то в это посещение, живя у меня, он одну ночь еще с вечера стал скорбеть и петь панихиду, выпевая из нее разные заупокойные стихи. Я встревожилась и говорю ему:

– Батюшка! Иль у меня кто умрет из родных?

– Нет, сударыня! – ответил о.Феофилакт.

Но так как он всю эту ночь и на другой день утром все продолжал петь и читать за упокой, то я несколько раз приставала к нему с те же вопросом: не умрет ли кто из моих родных? Наконец, он мне ответил:

– А помните, ко мне Матрена Ивановна приставала: «Батюшка, помолись, чтобы моя душа безбедно прошла воздушные мытарства». Вот я об ней-то и молюсь.

Матрена Ивановна была нашей клиросной, претерпела много скорбей и болезней и была очень хорошей жизни. В тот день, когда у нас шел разговор с о.Феофилактом, Матрена Ивановна уже скончалась, и ей шел как раз сороковой день.

Утром на сороковой день, стало быть, день по кончине Матрены Ивановны я была у обедни. Прихожу от обедни домой и застаю о.Феофилакта в полной радости. Я спросила:

– А где-то теперь, батюшка, наша Матрена Ивановна?

– Слава Богу, слава Богу, сударыня! – весело ответил блаженный старец. – Сидит на престоле и веселится.

И по сияющему лицу о.Феофилакта было видно, что загробная участь Матрены Ивановны была ему открыта, оттого-то и радостен так был этот земной ангел.

IV

В монастыре нашем была игуменией матушка Евсевия, а казначей – Елпидифора. В городе Касимове сменили игумению, а на ее место взяли нашу казначею. У нас многие сестры очень жалели об ее уходе.

Сидит как-то раз о.Феофилакт в келье послушницы павлины, она и говорит ему:

– Жаль нам, батюшка, казначею, что взяли от нас в игумении: она до нас хороша была.

– Что ее жалеть! – возразил о.Феофилакт. – Пусть, как уточка, поплавает там, поест рыбки хорошей годочка три!

Так оно и вышло: через три года наша игумения Евсевия вышла на покой, а Елпидифору перевели к нам в игумении. А в Касимове – Ока, на Оке же и подворье Касимовского монастыря и рыбы хорошей много.

Рассказывают наши монастырские старушки: еще не было в Михайлове монастыря (наш монастырь был тогда в 12 верстах от Рязани, а переведен в Михайлов в 1819 г.), на месте же, где теперь стоит монастырь, была маленькая кладбищенская церковь, которая еще и по ныне цела; а на полугоре стояла богодельня, в которой жило несколько бедных девиц и старушек. Отец Феофилакт часто гостил в этой богодельне. Бывало, попросит он клубок шерсти или ниток и начнет мерить место, где быть монастырю и ограде; а на том месте, где теперь собор и самый алтарь, тут он из камешков сделал подобие престола и говорит:

– На этом месте Лавра будет. О, как хорошо!.. И мощи будут.

При этом он поминал имя Прокопия. Рассказывали это те, которые жили еще в богодельне, а в настоящее время живут у нас в монастыре; слышали это они сами из уст о.Феофилакта.

Не запомню в каком году, когда уже перевели наш монастырь в Михайлов и я была уже в монастыре, тут же жила одна женщина-солдатка с дочерью, молоденькой девочкой. Эта солдатка была бесноватая. Я ее знала лично и очень хорошо помню, и многие из монастырских ее тоже знают и помнят. Она так была мучима бесом, что на нее было страшно смотреть, особенно, когда она желала причаститься Святых Христовых Таин: ее подводили к Святой Чаше несколько человек, потому что ее иначе невозможно было причастить – она вся синела и делалась как бы в иступлении, и в таком страшном виде ее и после Причастия выводили из церкви.

Эту солдатку как-то раз взял о.Феофилакт и вывел за ограду. Там на одной могилке он читал над ней молитвы. И в это время с ней сделался сильнейший припадок беснования. Отец Феофилакт продолжал читать молитвы, и ей стало лучше, а под конец она совсем успокоилась.

– Ты теперь здорова, – сказал ей батюшка, – но не я тебя исцелил, а исцелил тебя угодник Божий Прокопий, которого тут мощи.

Исцеление это совершилось на глазах многих монастырских. После этого женщина та стала совсем здорова и когда говела, то спокойно, как и все, подходила к Святым Тайнам. До самой своей смерти, хотя после своего исцеления она и долго жила, солдатка эта не подвергалась более припадкам беснования.

Нередко говаривал о.Феофилакт:

- Повезут мощи Николая Чудотворца мимо вашей обители, а вы не примете – скажете: не надобно нам, не надобно нам!

Незадолго до своей кончины – за год или даже и того менее – он, проживая в то время за 30 верст от нас и уже болея, несколько раз присылал проситься пожить у нас в монастыре, потому-де, что он скоро умрет. Посылал он с этой просьбой к монахини Павле, и та несколько раз ходила к игумении просить о том, чтобы она исполнила желание о.Феофилакта; но наше духовенство было против этого, и потому игумения никак не соглашалась принять блаженного старца.

- Не надобно его нам, не надобно! – говорила игумения.

Поэтому мы теперь и думаем, что под словами «Николай Чудотворец» о.Феофилакт подразумевать давал благодать Божию, на нем почившую, тем более, что когда он скончался, матушка игумения посылала казначею и матушку Веру просить его тело, но не дали.

Отец Феофилакт был болен несколько месяцев и жил в селе Земино, Михайловского уезда, у одной благочестивой дворянки. Эта дворянка очень боялась, чтобы он не умер без

напутствования. Сколько раз упрасивала она причаститься и особороваться, но он отвечал на просьбу:

- Не вашей я, сударыня, веры!

Но, зная его много лет, она все продолжала ему об этом напоминать. Когдаже наступил день его кончины – 20 августа 1841 года – он сказал хозяйке дома, где жил:

- Ну, теперь, Арина Павловна, посылайте за священником!

Поисповедался старец Божий, причастился, особоровался и тот же день скончался без всяких предсмертных страданий, заставив до последнего своего вздоха пришедшую к нему дьячиху кропить его святой водой.

В селе, где скончался о.Феофилакт, было два помещика: один – Николай Николаевич Желтухин, другой – Хлуднеев. Желтухин прежде не любил почему-то о.Феофилакта, а Хлуднеев, напротив, очень его любил и верил в его святость. После его смерти они оба пошли поклониться его телу, и тот, и другой выразили желание похоронить его на свой счет. Вышло так, что Хлуднеев несмотря на свою любовь и веру к старцу, уступил Желтухину, и Желтухин справил на свой счет все похороны: сделал обед священниками накормил многих бедных. До могилы гроб несли на своих руках оба помещика. Торжественны были похороны!..

Когда же, спустя некоторое время, стали разбирать какие-то бумаги, оставшиеся от покойника, то в них нашли что-то духовного завещания, в котором он просил именно Желтухина его похоронить и помянуть.

Похоронен о.Феофилакт в селе Земине Михайловского уезда Рязанской губернии, близ церкви, против алтаря, и над могилой его поставлен памятник-камень с надписью. Многие до сего дня приходят на его могилу, служат панихиды, берут с могилы землю и по вере своей получают исцеления.

Я хорошо помню жизнь этого Божьего угодника: она почти вся проходила на глазах нашего монастыря. Подолгу гащивая у нас, он, конечно не мог совершенно утаить от нас, монастырских, подвига своей богоугодной жизни. Молитва его была непрестанная: днем и ночью, лежа и сидя, он пел псалмы духовные, часто певал на голос из Евангелия притчу о блудном сыне: а голос у него был очень хороший. Глубокой ночью он всегда, бывало, становился на молитву и так всю ночь и простоит на молитве; а днем опять юродствует. Пища его была самая умеренная, нестяжательность безмерная. Приходили к нему многие мирские, несут ему и денег, и пищи всякой, и платочков, и полотенец – чего только ни нанесут; но он ничего из принесенного себе не возьмет, а оставит в той келье, в которой его застанут подарки. У меня доселе храниться полотенце и трость – едва ли не единственное его достояние.

Бывая иногда на городском базаре, случалось, он и побьет кого-нибудь из встречаемых им на пути. За это его несколько раз сажали в острог, и он сидит, бывало, с видимым удовольствием и поет священные стихи, которых он знал великое множество. В последние же годы жизни его уже в острог не сажали, и он пользовался большим уважением.

Наружности о.Феофилакт был весьма благообразной: росту высокого, лицо белое, правильные черты лица, лоб большой, открытый...

Иногда к своей небольшой косе он привязывал свернутый пучком лошадиный хвост, и мы спрашивали его:

- Для чего это вы, батюшка, привязываете такое безобразие? А он на это, бывало, скажет:

- Да будто пригожее, сударыня, так!

Разговор его о духовном был горячий; слово пламенное, назидательное; и любимой его беседой было о том, что Царство Божие достается только с трудом. О духовном он любил говорить наедине, с глазу на глаз с собеседником, и тогда не юродствовал, а говорил с великой убедительностью и силой. Каждому, кто хотел его слушать, он толковал Св. Писание и – всегда правильно. Любимым же его занятием было чтение духовных книг.

Таков был этот Божий угодник, таким я его застала и помню.

V

Были у нас в монастыре тульские две сестры, по фамилии - Духонины. Одна сестра была казначеей и теперь скончалась, а другая - монахиня Рафаила и теперь жива. Вот что рассказывала мне об о.Феофилакте монахиня Рафаила:

«Однажды он пришел к нам в келью и говорит:

– А я был в Туле!

Мать казначея, сестра Рафаила, и спрашивает его:

– Что же Вы к нашему батюшке не зашли?

– Куда тут, сударыня, к ним? – ответил о.Феофилакт. – Его и самого-то в дом не пускают – там стоят солдаты с рогачами, с баграми!

– Что Вы такое, батюшка, говорите? – возразила казначея. – Какие солдаты?

– Да, сударыня, – продолжал говорить свое о.Феофилакт, – а дом-то их каменный, взглянешь – так шапка свалится!”

«Мы с сестрой, – сказывала мать Рафаила, – ровно ничего не поняли из этих странных слов батюшки, тем более, что у родителя нашего в Туле дом был деревянный, а не каменный. Что же вышло? Ровно через год после этого наш тульский дом сторел до основания, а после этого пожара родители наши действительно выстроили себе дом большой, каменный».

О. Феофилакту очень любили мужички и выстроили ему келью в селе Новопанском Михайловского уезда. Да и в других местах по крестьянам у него были поделаны такие же кельи усердием простых сердцем почитателей. Из этих келий он после своей смерти две завещал в наш монастырь, которому они и отданы. Когда он жила в своих кельях, то налагал на себя большие труды: постился по целым дням, ничего не вкушая; часто с самого утра уходил в болото и до поздней ночи собирал в воде тростник; а в келью свою возвращался холодный, голодный, весь мокрый... Великий был труженик!..

В нашем монастыре, в церкви, на левой стороне, находится его чудотворная икона Божией Матери “Взыскание погибших”. Она была написана одним живописцем по его желанию и указанию. Написана она так: вверху иконы – образ Богоматери, поддерживаемый двумя Ангелами, а внизу ее – лики многих святых. Когда икона была написана, о.Феофилакт зашил ее в холстину, а сверху обшил двумя набойками и еще холстинкой. Во всей этой тройной обшивке он прорезал отверстия для ликов и так и поставил ее в своей келье. Его все и спрашивают:

– На что же это вы, батюшка, зашили икону - то холстиной?

– Да это, сударыни, на ней три ризы! – ответил старец Божий. Так и стояла она у него в новопанской келье зашитой.

Еще при жизни отца Феофилакту наш михайловский купец Иван Иванович Ложников был как-то в Лебедяни на ярмарке и там разговорился о батюшке с тульским купцом Киселевым. В разговоре этом он и скажи Киселеву, что о.Феофилакт многих исцеляет своими молитвами, а у Киселева жена больна была семь лет кровотечением. Запало это слово Киселеву в сердце, и, возвратясь домой, он послал свою жену, Агриппину Егоровну, к о.Феофилакту. На ту пору он имел пребывание в своей келье в селе Новопанском. Как только Киселева пошла к нему в келью, о.Феофилакт поднялся к ней навстречу и только сказал:

– Помолитесь, сударыня, Царице Небесной и исцелеете!

Сказал эти слова, вышел вон из кельи и куда-то скрылся. Очень оскорбилась таким приемом Киселева, особенно же тем, что он в келью свою не вернулся, но потом одумалась, стала молиться пред иконой и тут же почувствовала себя исцеленной, Киселева сделала на икону киот и очень хорошую ризу накладного серебра. Только самому о.Феофилакту не пришлось этой ризы видеть: ее привезли уже после его кончины.

В наш монастырь икону эту взяли по сонному видению одной благочестивой девицы, в котором сам о.Феофилакт, явившись ей, приказал это сделать, сказав, что от этой иконы будут совершаться исцеления. И точно: чудотворений от нее исчислить невозможно, у меня много писем от дальних ближних мест от разных лиц, свидетельствующих о чудесах, дарованных через эту икону Богоматерью.

После дара Киселевой на чудотворную икону была сделана вторая риза, серебряная, вызолоченная а недавно на изображение Самой Заступницы рода христианского пожертвовали ризу жемчужную. Тогда вспомнили три холстины о.Феофилакту и слова его о трех ризах, которые будут украшать святую икону. Еще их не было, а святой прозорливец уже видел их сияющими богатством и красотой сквозь убогое рубище домотканной холстины. Дивный старец!..

VI

В нашем Покровском монастыре живет одна девица, дочь священника. Эта девица мне об о.Феофилакте передавала следующее:

Тульской губернии, епифановского уезда, села Хитровщины, священник Феофилакт Авдеев внезапно оставил свое священническое место, жену и маленькую дочь и сделался странником. Приняв на себя такой подвиг не иначе как по особому Божьему изволению, он не имел, где головы поклонить, преследуемый всюду злоречием и насмешками мира, пониманию которого никогда не был доступен этот род христианского православного подвижничества. К одному только священнику Тульской епархии, села Соловки, Алексею Ивановичу Преображенскому отец Феофилакт имел невозбранный вход и даже, за его отлучкой из прихода, исправлял за него требы: исповедовал, причащал больных, крестил младенцев, отпевал покойников, служил молебны; и все эти требы он совершал всегда без всякого упущения, не позволяя себе пропускать ни одного слова.

Когда о. Преображенский еще был учеником 3-го класса духовного училища в Коломне, Феофилакт Авдеев был там учителем. С тех пор они не видались друг с другом до того времени, когда, уже будучи священником в с. Соколовке, о. Преображенский увидал, что мимо его дома ведут на господский двор какого-то связанного человека. Заинтересовавшись этим человеком, о. Преображенский подошел к нему поближе и сразу узнал в нем своего бывшего учителя. Сейчас же он приказал развязать его и повел к себе в дом. Все это видела из окна жена о. Преображенского и подумала про себя: вот, ведут к нам какого-то безумного – он только детей перепугает... Когда о. Феофилакт вошел в дом, то первое его слово было к жене отца Преображенского:

– Матушка! – сказал он ей смеясь. – Запритесь с детками в спальню, а я их не перепугаю!

С этих слов о. Феофилакты матушка почувствовала, что в его лице она встретила гостя не из обыкновенных, и стала относиться к нему с величайшим уважением.

Как-то раз, когда отец Феофилакт находился в гостях у Преображенских, зашла сильная гроза. Он в это время лежал на палатах. Его просили встать и помолиться, но он не встал, а сказал:

– Какая благодать! Эта благодать свет Божий освещает!

В другой раз было не так. Был о. Феофилакт на огороде и что-то там копался в грядках. Вдруг бежит он с огорода скоро-скоро и кричит:

– Ух, страх какой! Идет туча!

И стал молиться. Все вышли посмотреть, но тучи никакой не было. Прошло несколько времени. Зашла туча страшная, и хотя скоро прошла, но успела разразиться тремя страшными ударами; в трех ближайших деревнях от этих ударов был пожар. Отец Феофилакт все время молился, пока не прошла туча.

Был у о. Преображенского сын лет двенадцати, он учился в школе, а жил у своей тетки Евдокии Филипповны. На масленице во вторник послали за ним лошадь, пришла и среда, а сына все нет. Вот и спрашивают о. Феофилакты:

– Батюшка! Что же это наш сын долго замешкался?

– До четверга, – отвечает он, – лошадку и кучера ваша сестрица, Евдокия Филипповна, покормит, а племянник ваш с семейством пробирается к своему брату; да куда ехать в такую погоду-то? Здесь масленицу поспразднует... А сынка вашего, Ивана Алексеевича, укусила черная собака очень больно...

При этом слове отец Феофилакт вздохнул.

– Батюшка, – говорят ему, – что вы такое говорите? Какая собака?

– Да, Иван Алексеевич женится, – отвечает он, – а Дарья Ивановна смотрит, как печка топится... Ух! Как жарко!

Что же вышло? В этот же день вечером к о. Преображенскому приехал племянник с семейством: по дороге к своему брату заехал навестить дядю; ночь заночевал, а наутро поднялась метель: “Куда было ехать в такую погоду!” – и они остались на всю масленицу. Сын, за которым была послана лошадь, приехал в четверг благополучно: его задержала тетка, Евдокия Филипповна. Слова же о. Феофилакты – о черной собаке, о Дарье Ивановне и о печке – сбылись в свое время дивным образом: сын о. Преображенского, Иван Алексеевич, которого тогда ждали на масленице, достигши 17-летнего возраста, внезапно сделался болен чем-то вроде умопомешательства; потом это болезненное состояние у него прошло, и его определили на службу в Тульское губернское казначейство. Когда же Ивана Алексеевича родные собрались женить, то на свадьбу приехала и родственница Преображенских, Дарья Ивановна. Все это происходило в Туле. Собрались уже все ехать в церковь к венцу, а пришлось вместо венца спешно бежать из Тулы, которая внезапно загорелась. Пожар разгорелся с невероятной быстротой; пламя бушевало, как море; разрушались церкви Божии, каменные здания; на реке мосты горели: так сбылось предсказание о. Феофилакты.

В ужасном положении вместе с прочими очутилась тут и Дарья Ивановна, едва перенесшая зрелище этого страшного пожара.

Дочери Преображенских о. Феофилакт предсказывал, что она останется в девицах и что ее нужно отдать в монастырь на Черную гору, т.е. в Михайлов. Родители не соглашались ее отдать в этот монастырь и говорили:

– Если уж хочет идти в монастырь, то пусть идет в ближайший Тульский.

А о.Феофилакт на это, бывало, скажет:

– Тульский монастырь на паутинке висит: там с голоду все поколели; а в Михайловском монастыре наша барыня будет своими пальчиками довольна.

По времени дочь Преображенских поступила в Тульский монастырь, жила там 8 лет и сказывала с ней жившим, что не сбылось на ней предсказание о.Феофилакта. Но после его смерти ей все-таки пришлось переселиться в Михайловский монастырь и жить своими трудами.

К отцу Преображенскому хаживал еще один юродивый, известный под именем «босого Миронушки». Сидели как-то за обедом – семья Преображенских, о.Феофилакт и Митронушка. К ним за трапезу вошел неожиданно неизвестный немой и стал всех благословлять иерейским благословением. Отец Феофилакт очень обрадовался этому немому, встал из-за стола, поцеловался с ним за руку и сказал:

- Христос посреде нас!

И еще сказал ему тихо, но так, что можно было расслышать:

- Не всем же быть в одном доме!

После этих слов, как ни оставляли Преображенские немого обедать, он не остался и ушел. По уходу его спросили о.Феофилакта:

- Кто такой немой этот?

И о.Феофилакт, и Миронушка в один голос ответили:

- Священник, отец Афанасий.

Немым он стал, по словам о.Феофилакта, оттого, что язык ему отрезали разбойники.

К этому же о.Преображенскому о. Феофилакт пришел на престольный праздник. У хозяина были гости, и между ними был и о. благочинный, священник села Люторец. Вскоре пришел и дьячок из села Собакина Рязанской губернии, подошел он к о. благочинному и к хозяину под благословение. А затем и к о.Феофилакту. Этот благословлять его не стал и сказал ему:

– Ты тридцать дымящих духов с собой привел!

Дьячок на это ответил грубо:

– Иной учился, учился, да и заучился!

О. Феофилакт схватил его за волосы и потащил вон, приговаривая:

– Не ходи с этим, солдат, в благословенный дом!

И точно: вскоре этот дьячок за порочное поведение был отдан в солдаты.

Поехал раз о.Преображенский в Тулу за св. миром. В его отсутствие приехали за священником – звать к больному за 7 верст. Матушка о.Преображенского и просит отца Феофилакта съездить причастить больного.

– Они там не помрут, – ответил батюшка, – сам отец Алексей (Преображенский) от Шилова поспешает на своих золотых крылышках. Взял мир, а храмозданную привезет мастер.

И часу не прошло — приехал о.Преображенский и привез св. миро. Оказалось, что он ночевал в деревне Шилове, откуда и торопился приехать домой, боясь за требы. Передали ему слова о.Феофилакта; он удивился и сказал:

– Я действительно подал владыке прошение разрешить перекрыть церковь и расписать ее внутри заново.

А за о.Преображенским в тот же день приехал живописец, взял подряд на работы в храме и вызвался сам привезти и указ на ремонт храма.

В приходе о.Преображенского у помещичьего приказчика сын служил чем-то у полкового генерала и нажил деньги. Как-то раз сидит у Преображенского о.Феофилакт и вдруг как засмеется, да и говорит:

- Вот ведь, как распестрились! Все судьбы Божии за один пирожок хотят узнать!

Сказал и лег на полати. Через час приехала женщина в ярко-пестром сицевом капоте, ривезла пирожок от приказчицы и подает его с почтением о.Феофилакту. Он не взял и сказал со вздохом:

- Не такие столбы и те падают: то катаются на тройках, то ползком ползают!

Впоследствии сын приказчика прехал к родным на побывку и отморозил себе ноги; одно время ползал на четвереньках, а потом стал кое-как ходить на костылях и так и остался навеки калекой.

Одно время стали вызывать священников ехать по желанию служить на Кавказ. Вот и говорит раз матушка Преображенская своим детям:

– Поговорить надо отцу: требуются священники на Кавказ; там, говорят, очень хорошо, и прогоны дадут казенные.

Приходит отец Феофилакт, рассерженный, не в духе; ничего не пропел, как всегда, по своему обычаю, певал при входе; ни многолетия не возгласил, что тоже делывал обыкновенно. На нем ряска в то время была ватная, подрясник овчинный, ситцевая рубашка на подкладке, и к подолу рубашки была еще пришита толстая холстина; сапоги старые. Хозяева не знали, чем и угодить, спрашивают:

– Не угодно ли Вам, батюшка, покушать?

– Куда тут кушать! – отвечает он с сердцем. – Жара какая! Бежал, бежал: сказали близко, а верст двенадцать будет от Новопанска (село Новопанское Михайловского уезда от Преображенских в 45 верстах).

– Батюшка! Что ж вы так спешили?

– Как же? На Кавказ идут!

Хозяева спрашивают:

– Кто ж идет, батюшка?

– Да, Аграфена Филипповна (жена о.Преображенского). Вас там наставят, дураков, да в пушки и ударят!

– Кто ж вам, батюшка, сказывал?

– Кто? Петербургский купец приезжал в Михайлов пачпорт брать – он и сказывал!

Конечно, ни с каким петербургским купцом и речи об этом не было, как не было и самого купца.

– Да мы, батюшка, и не пойдем!

Он засмеялся и сказал:

– Пожалуйте, матушка, покушать; ведь вы обещались!

Разулся. Ноги все в кровь стерты, переменил рубашку и отдал хозяйке.

– Вот тебе, родимая сестрица, Феодосья Авдеевна!

Он ее так часто называл.

– Береги, чтобы рубашка лежала в покое!

Рубашка эта и до сего дня лежит в сундуке и оставлена в наследство меньшей дочери священника о. Алексия Преображенского.

Так, бывало, поживет о.Феофилакт у этого священника сколько угодно – иногда недели три, а там и уйдет, не сказавшись.

В последний раз он приехал к Преображенским на лошади с новопанским мужичком. Было это Великим Постом. Ночевал он одну ночь; утром, напившись чаю, позавтракал и приказал заложить лошадь. Напомнил про рубашку и опять наказал, чтобы была в покое. Упрашивали его, чтобы он еще остался ночевать, но он не остался. Благословил дом, благословил семейство Преображенских и, прощаясь, сказал:

– Мир дому сему!

С тех пор его уже в этом доме не видали: тем же годом он и скончался...

Сказывал еще протоиерей г. Епифани, о. Иоанн Гумилевский, родственник отца Преображенского:

– Пришел однажды ко мне о. Феофилакт и запел: со святыми упокой! – Я, признаться, на себя подумал, что это он мне смерть пророчит. А он, пропевши, в ответ на мои мысли сказал:

– И чего тебе только в голову не придет? Ведь ты не маленький.

После этого у протоиерея скончался сын, ребенок лет восьми. Тот же протоиерей рассказывал:

– Приходил о.Феофилакт просить на свою жену, чтобы не позволять ей отдать его дочь за солдата, а сам заплакал. Я вызвал жену его, но запретить не мог: она выдала дочь в село Петровское замуж за господского человека. У нее уже было пятеро детей, господин прогневался за что-то на ее мужа и отдал в солдаты, а она умерла с горя.

«... Сам заплакал!» Проникаешь ли ты, дорогой мой читатель, чутким твоим сердцем в тайный смысл, в глубину значения этих слез великого праведника? Разумеешь ли ты все величие

отречения от семейных уз, от любви родительской этого великого сердца, добровольно отказавшегося от всей их сладости, чтобы одиноким, гонимым, осуждаемым идти во след своему Господу?.. Прошли года: за лютые скорби, за смирение чистого сердца, за веру, не ведавшую сомнения, благодатию Христовой отверзлись духовные очи праведника, сообщились одинокому сердцу дары благодатных утешений, перед которыми, как свидетельствуют люди духовного опыта, вся красная мира не что иное, как смрад и тление, – а ветхий человек все еще был жив, и жгучая слеза родительской любви и страха за участь любимого ребенка, как растопленное олово, жгло огнем палящим сердечной муки... Какова сила самоотречения! Каков подвиг! Какова любовь к Богу!..

«Праведницы во веки живут, и в Господе мзда их».

Таково сказание, которое мною было найдено в старых рукописях Скита Оптиной Пустыни. Писано оно, видимо, женскою рукою.

В той же рукописи записан был еще один глубокий знаменательный случай прозорливости старца. Хотя он касался, по-видимому, только одного частного лица, но по моему мнению, значенее его гораздо обширнее, и таинственный смысл его имеет характер не только прозорливости, но даже пророчества... Чтобы он глубже запечатлелся в памяти моего боголюбивого читателя, помещаю его особо в конце моей статьи о великом прозорливце.

Как-то раз, в один из приходов в дом Преображенских матушка-попадья спросила у него:

-Батюшка! В городе говорят, что в 1836 году будет свету конец – правда ли это?

- И, сударыня, - ответил он, - не верьте – они врут! А вот в 55 году начнется эпоха, а в 56-м будет и свету кончина!

По слову старца так и совершилось: матушка Преображенская заболела в 1855 году опухолью ног, а в 1856 году от жизни временной перешла в жизнь вечную. Но в этом предсказании, как я думаю, заключен и другой смысл: им предвозвещалось иное, неизмеримо важнейшее событие...

С.А. Нилус 17 октября 1908 года.

... Спустя почти 175 лет все изменилось до неузнаваемости и окончательно стерлось из памяти наших современников благоговейное почитание благословенного прошлого и угодников Божиих, подвизавшихся в то время. На сегодняшний день не осталось, к сожалению, ни надгробной каменной плиты, ни самого места захоронения старца Феофилакта, откуда раньше верующие с упованием брали землю и получали исцеления. Но, слава Богу, возрождается [Покровская обитель](#), и Господь дарует нам возможность возносить молитвы о блаженном иерее Феофилакте, об усопших игумениях с сестрами, просить их заступничества за нас, многогрешных. (Н.С.С.)

Добро пожаловать на сайт нашего храма www.ekethram.ru